Н. А. СЫРОМЯТНИКОВ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОДСТВЕННОСТИ КОРНЕЙ

Обычно считается, что два слова одного или разных языков имеют или общий корень или разные. При этом один и тот же корень даже в словах одного языка в одну и ту же эпоху может быть фонетически неидентичным. Та или иная фонема, входящая в него, может в разных позиционных условиях быть представлена вариантами, различающимися даже теми же дифференциальными признаками, что и самостоятельные фонемы в сильной позиции. Однако на лексическом значении такие изменения никак не сказываются: русск. [дуп], [дуб-э], [в дуб'-э]; япон. *tor-u* «беру», *tot-ta* «брал». Говорящими на данном языке как на родном такие отличия в звучании корня могут и не осознаваться.

Другие фонемные изменения связаны с чередованиями типа аблаута. Они осознаются, могут дифференцировать значение, но обычно в чисто грамматическом или словообразовательном плане: др.-япон. *mě* «глаз» + *puta* «крышка» > *mabuta* «глаза крышка» = «верхнее веко». (Глухой согласный в начале второго компонента сложного слова озвончается, если во втором корне нет звонкого ¹; -ě в исходе самостоятельного слова чередуется с -a- в составе первого компонента сложного.) Но и такие чередования фонем не приводят к деформации лексического значения. Никто не сомневается в том, что в парах — русск. *рук-а* и *руч-енька*, *бер-у* и *с-бор*, др.-япон. *mě* и *ma-*, *puta* и *-buta* имеется один и тот же корень.

Оставляя в стороне эти общеизвестные явления, обратимся к изучению сходства между заведомо разными корнями, имеющими минимум одну неодинаковую фонему во всех формах и производных словах. Могут ли корни простых слов, различающиеся о д н о й фонемой, иметь близкие значения? Или они в с е г д а не будут иметь ничего общего по значению? Или сходство семантическое будет таким же случайным, как и фонематическое? Если обратиться к наиболее известным ныне пособиям по общему языкознанию и работам по частным языкознаниям, легко заметить, что авторы их или вообще не видят этих вопросов, или намеренно их обходят. Так, Г. Глисон, хотя и занимается специально установлением тождества морфем ², избегает такого материала, анализ которого привел бы к выделению близких, но не идентичных корней. Нельзя согласиться с его мнением о том, что английское слово *guys* «гуси» состоит из двух морфем: корня и аффикса (инфикса) множественного числа *-iy-* ³. На самом деле *-iy-* входит в состав корня, который вообще не может быть подвергнут морфологическому членению. В современном английском языке этот корень существует в двух вариантах: [gu:s] «гусь» (лексическое значение + ед. число, как и у подавляющего большинства английских имен без аффиксов) и [gi:s] «гуси» (то же лексическое значение + мн. число). То же в [maus] «мышь» и [mais] «мыши».

¹ См.: Н. Н. Т р е т ь я к, Чередование звуков как признак структурного единства сложного слова в японском языке, «Вестник ЛГУ», 1960, 2.

² См.: Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, гл. VI.

³ Там же, стр. 118—119.

Неправомерно и включение Глисоном частичной редупликации в аффиксацию «с широко варьирующимися формами»⁴. Во-первых, частичная редупликация нередко приводит к появлению другого корня: япон. *tsura* «ряд» и *tsurara* «сосулька» (перевозу условно ед. числом, хотя числом японские имена не обладают); *sum-u* «жить» — *susum-u* «продвигаться вперед». Во-вторых, даже там, где, казалось бы, частичная редупликация используется не в целях корнеобразования, а лишь для «усиления» значения без его изменения по существу (как в тюркских языках — *кара* «черный»: *канкара* «черный-пречерный»), об аффиксации говорить не приходится, так как создание аффикса, скажем, интенсива — результат большого обобщения (в результате абстракции усиление любого качества оказывается возможным передавать одинаково: япон. *takkuro* «черный-пречерный», *masshiro* «белый-пребелый» и т. п.). Ср. япон. *hara* «живот» и *harara-go* «икра» (рыбья, *-go* < *ko* «ребенок; мелкий предмет»), где частичная редупликация используется для корнеобразования.

Нельзя приравнивать к аффиксации и супплетивные формы (так, вопреки Глисону, *go* «идти» и *wen-t* «шел» имеют разные корни, как и русск. *ид-ти* и *ше-л*), объединять разные по звучанию морфемы в алломорфы одной морфемы по общей функции и т. п. Так, приравнивая редкий суффикс мн. числа в английском слове *ox-en*—[ɪn] к алломорфам основной морфемы мн. числа *-s* — [s, -z, -ɪz], Глисон представляет английский язык более системным, чем он есть на самом деле, путает синонимичность с материальной общностью.

Сравнивая *find* «нахожу» с *found* «нашел», Глисон дает несколько более правильную формулировку: «такую разницу в фонемах (она не обязательно ограничена ядром; ср. *send* : *sent*) мы можем рассматривать как особую разновидность морфемы, называемую заместителем»⁵. Верно, что грамматическое значение выражается здесь не самими фонемами, которые входят в корень и от него не отделимы, а разницей в них, которую, однако, нельзя назвать даже заместителем морфемы. Такой способ принципиально отличается от прерывистых флексий семитских языков, располагающихся между согласными корня⁶. Нельзя замалчивать и того, что для английского языка это не норма, а сравнительно редкое «исключение». Думаю, что использование вариантов корня с разными фонемами в грамматических целях — способ, принципиально отличный от суффиксации (при которой всегда существуют морфологические границы), если даже исторически чередование вариантов (или фонем корня, что то же) возникло под влиянием отпавших впоследствии суффиксов или флексий.

Я предложил бы назвать значимую разницу между корнями, близкими по значению и звучанию, д и ф ф е р е н ц и а л о м. Название «квази-морфема», предложенное Ю. С. Масловым (его примеры — нем. *Gipfel* «вершина» и *Wipfel* «верхушка» и русск. *ноготь* и *коготь*, где, по его мнению, «мы должны выделить части *g-*, *-w-и-ipfel* и *n-*, *k-* и *-og-at'*»⁷), предполагает понимание этих частей как «единиц промежуточного (между фонемным и морфемным.— Н. С.) уровня». Но вряд ли мы имеем право членить морфему на части, каждая из которых ничего в отдельности не значит.

⁴ Там же, стр. 138. Он приводит тагальские примеры: *isa* «один» — *iisa* «только один» и под.

⁵ Там же, стр. 118.

⁶ См.: И. А. Мельчук, О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках, ВЯ, 1963, 4.

⁷ Ю. С. Маслов, Промежуточные уровни в структуре языка, «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов», М., 1967, стр. 29.

Как бы то ни было, можно констатировать, что в общелингвистическом плане лишь немногие языковеды подметили отдельные примеры сходства корней. В руководствах по общему языкознанию такие факты редко упоминаются. Лишь Л. Блумфилд пишет: «Даже в таких случаях, как английские *sing : sang : sung : song* ... при адекватном описании одни формы будут рассматриваться как основные, а другие — как вторичные производные или как первичные производные с фонетическими модификациями корня. Однако в некоторых случаях мы обнаруживаем отчетливо выраженное фонетико-семантическое сходство между образованиями, которые мы считаем разными корнями»⁸. На значительно большем материале китайского языка И. М. Опанин сделал очень интересную попытку показать, как многие китайские корни произошли из двух. К сожалению, его работа все еще не опубликована. Ему удалось найти десятки и сотни примеров того, как корни, имеющие одинаковую финаль, обладают и некоторым общим значением, например, округлости.

Замечательный полиглот, покойный С. С. Майзель, сравнивая многие семитские языки, установил, что их трехгласные корни при метатезе двух согласных лишь несколько видоизменяют свое значение, а не вовсе меняют его, как можно было бы ожидать.

В этимологическом словаре древнегреческого языка Я. Фриска есть немало сопоставлений корней, близких по звучанию и значению⁹.

Таким образом, уже несколько ученых на большом материале вплотную подошли к вопросу о связях между *разными* корнями одного и того же или близкородственных языков.

Ниже я попытаюсь сравнить некоторые корни японского языка между собой, имея в виду следующие вопросы: 1) чем отличается корнеобразование (выражение различий в лексической семантике близкими по звучанию корнями) от суффиксации?; 2) какова роль ударения в дифференциации неодносложных корней?; 3) при наличии материальных соответствий в других языках (не близкородственных) отличаются ли они одно от другого сходным же образом, или же различия между близкими корнями настолько зависят от системы данного языка, что редко повторяются в другом?

В последнем случае встанет важный вопрос, как наличие близких корней влияет на соответствия между языками? Представляют ли такие корни какую-то систему или нет?

В советском и западном японоведении вопрос о том, есть ли в японском языке общность между разными корнями, пока не поднимался. В одной из моих работ констатировано лишь наличие в японском языке перелома гласного первого слога *i* под влиянием гласного второго слога¹⁰. Это дает возможность сблизить слова с коренным *i* и коренным *a*, *u* или *o*, так как по аналогии с алтайскими языками¹¹ можно рассматривать *i* как более ранний звук. Поскольку эта разновидность регрессивной ассимиляции гласных не охватила всех японских корней, создалась возможность ис-

⁸ Л. Б л у м ф и л д, *Язык*, М., 1968, стр. 266. Но говорящий по-английски имеет дело не с самим ходом исторических изменений, а лишь с их результатом: с системой *равноправных* вариантов корня, различающихся фонемой и грамматическим значением.

⁹ См.: Н. J. F r i s k, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1954—1971.

¹⁰ См.: Н. А. С ы р о м я т н и к о в, *Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка*, «Народы Азии и Африки», 1967, 2, стр. 122—125.

¹¹ Ср.: Г. Д. С а н ж е е в, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, 1, 1953, стр. 104—114.

пользовать различие в гласном для семантической дифференциации ¹²: *ijashii* «простой; бедный; низкий; вульгарный» — *ajashii* «сомнительный; подозрительный».

Разумеется, такие случаи надо рассматривать отдельно от близких односложных корней, ряд групп которых уже признан японскими лингвистами. Так, *kir-u* «резать», *kar-u* «косить», *kur-u* «выдалбливать», *kor-u* «рубить» (дрова) имеют очевидную фонетическую и семантическую связь ¹³; но разный гласный тут не зависит от остальных фонем, которые в этих словах одинаковы.

Представляется целесообразным назвать близкие корни родственными, не имея в виду общего предка для них. Есть возможность установить, появились ли они уже в протояпонском языке или еще раньше: если каждый из приведенных выше родственных корней (далее РК) имеет свои соответствия в целом ряде языков, значит, их происхождение уходит в далекое прошлое.

Др.-япон. *kir-u* «резать; убивать; добывать огонь трением» ~ маньчж. *guri-* «обрезывать ножом; подравнивать», и.-е. **kert-* «резать», эвенк. *guri-* «выкраивать; разрезать». Но в языках, различающих *i* и *ɪ* (ы), находим *ы*: турецк. *kir-* «разбивать; уничтожать; резать» (скот), коми *кыр* «резать», корейск. *кыру* «пень; жнивье». Почему же древнеяпонский, имевший *i* и *ī* (ы), не имеет в этом слове *ы*? Ведь др.-япон. *kiri* «осенний туман» ~ корейск. *кыри-* «затуманиваться» ¹⁴, турецк. *kir* «светло-серый». Дело в том, что глагольные корни (1-го спряжения) на *-ir-* не могли иметь перед *-r-* звук *ī*, так как *ī* был приметой срединной формы 3-го спряжения. Флексия *-ī* заменялась на *-u* в заключительной и на *-uru* в определительной форме глаголов. А входящие в корень глаголов 1-го спряжения фонемы *-ir-* удерживались без изменения во всех формах. *Kiri* же («туман») — имя не отглагольное. *Kiri* «бурав; шило» (отглагольное имя от *kir-u* «резать») ~ индонез. *girik* «сверлить; буравить».

Kar-u «косить» ~ тагал. *karit* «серп», ст.-монг. *qadu-*, маньчж. *хаду-* «косить», корейск. *калги-* «хлестнуть; отрезать одним махом». Переднеязычный согласный находим и в индонезийском (малайском) *ketam* «жечь» (рис).

Kor-u «рубить» ~ удм. *кора-* «рубить» (др.-япон. *kū/kō-* «дерево»). От того же корня образован производный глагол др.-япон. *kōr-ōs-u* «убивать» ~ индонез. *gorok* «убивать; резать», монг. *xoro-yul* «убавить; убить».

Kur-u «долбить; выдалбливать» ~ эвенк. *кūr-* «продырявить; просверлить»; маньчж. *кору-* «выковыривать; выдалбливать; вырезать сердцевины», индонез. *korék* «ковырять; рыть; сверлить», корейск. *кырым* «посуда» (первоначально выдолбленная из дерева?). Ср. русск. *корыто* ¹⁵.

Родственными между собой являются и корни глаголов *tir-u* «опадать» (о листе, снеге), *tar-u* «свешиваться; капать», *tur-u* «удить», *tōr-u* «брать; хватать; ловить» и даже *ter-u* «сиять». Общим семантическим компонентом этой группы является, мне кажется, движение сверху вниз по прямой.

Все эти корни имеют соответствия в других языках:

¹² Наличие перелома *i* в ряде японских слов признан японский монголовед Одава: S h. O z a w a, A comparative study of some words in Old Japanese and Middle Mongolian, Tokyo, 1968, стр. 325—338 (на япон. яз.).

¹³ «Jidai-betsu kokugo-daijiten, jō:daihen», Tokyo, 1967, стр. 233.

¹⁴ S. E. M a r t i n, Lexical evidence relating Korean to Japanese, «Language», 1966, 2 (далее — SM + № этимологии).

¹⁵ Фасмер сближает *корыто* с *кора*, *корень*, но *корыто* выдалбливается из ствола дерева, а не делается из коры или корней (ср.: М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, II, М., 1967, стр. 343). Может быть, *корыто* связано с *ковырять*, глаголом, пропущенным Фасмером, или удм. *кор* «бревно»?

tir-u «опадать» ~ индонез. *tjirit* «навоз; грязь; мусор» (~ япон. *tiri* «пыль» — сравнительно крупная), коми *чир[й-]* «крупяной снег; крупица», эвенк. *торока-* «пылить», корейск. *ттэр-эди-* «опадать (о листьях); осыпаться», др.-тюрк. *тоҕ/тоз* «пыль» (чередование *r/z* в тюркских языках имеет место).

Tar-u «быть достаточным; хватать; переполняться; капать; свешиваться», *tarumi* «водопад» (*mi* «вода») ~ тагал. *talong* «водопад», коми *тыр* «полный», *тырмыв* «хватать».

Tur-u «удить; подвешивать; вешать», *turi* «ужение», *turugi* «меч» ~ маньчж. *туру* «ремень или пояс, на который подвешивается меч», индонез. *tuli-tuli* «шнур» (для привязывания ножен криса к поясу), *turun* «спускаться; падать», алт. *тулуҕ* «коса» (на голове), эвенк. *тутэ-кэн* «меч». К глаголу *tur-u* весьма близки имена: *turu/tura* «тетива», *turu* «струна; лоза» (~ корейск. *cul* «string», SM 226). Японские лингвисты признают уже родство этих имен с *tura* «ряд; линия» (~ мари и башк. *тура* «прямой»), *tupa* «веревка» (~ туркм. *танап* «веревка; канат», эвенк. *суна* «поводок; ремешок»), *tuta* «плеть вьющегося растения».

Tör-u «брат; ловить», *töri* «добыча» > «птицы» ~ корейск. *тыл-* «брат», башк. *тороу* «держатъ», др.-тюрк. *тор* «тенета (для птиц)», айну *тарара* «держатъ» (SM 106), нивх. *то-нд* «берет».

Др.-япон. *ter-u* «сиять» ~ индонез. *terang* «дневной свет», эвенк. *дерин-* «блестеть» (РК *тыргал-* «светать»), якут. *тыры-м* «мерцающий».

Естественно, напрашивается вопрос, можно ли выделить в японских глаголах и близких к ним именах общий корень на согласный? Общим корнем можно считать лишь основу на согласный в отглагольных именах на *-i*: *am-u* «плести», *am-i* «сеть». Но явно родственное слово *ama* «рыбак» морфологически не разложимо, так как *-a* не имеет определенного значения (например, суффикса деятеля, ср. *tur-u* и *tura* «ряд», см. выше). Даже в *turu* «тетива; струна; лоза» (при сравнении с *tur-u* «удить») конечное *-u* не выделяется, так как оно имеет лишь дифференцирующую, но не морфологическую функцию, т. е. остается только фонемой, не превращаясь в морфему, в отличие от *-u* окончания глаголов (флексии заключительной формы изъявительного наклонения). В современном японском языке они различаются ударением: *tsu^u ru* «удить», но *tsu^u ru^u* «тетива» и пр. (высокий регистр второго слога в двусложных глаголах не встречается). Таким образом, даже при полном совпадении фонемного состава глагола и имени в японском языке эти оба слова не содержат общего корня, несмотря на близость значений. Корни *tur-* и *turu* являются лишь родственными.

Есть, разумеется, и случаи образования глаголов от соответствующих имен, которые будут корнями и у глаголов с их флективным строением: *tu^u na^u* «веревка» — *tu^u na-g-u* «привязывать»; *tu^u no^u* «рог» (~ тагал. *tunok* «клюв») — *tu^u no^u ru* «принимать острый характер; вербовать» (в древнеяпонском этот глагол не зарегистрирован) и др. Такое образование глаголов при помощи суффиксации является общепризнанным.

На основе общего значения группы родственных корней можно подойти к вскрытию внутренней формы ряда абстрактных слов, близких фонетически к конкретным. Так, *tu^u ne* «всегда»: *tu^u na^u* «веревка» — РК, так как обозначают оба нечто протяженное — в пространстве или во времени. Одинаковое в ряде случаев выражение пространства и времени пронизывает всю лексическую (и грамматическую) систему японского языка.

Так, др.-япон. *töki* «время; час» думается, не случайно похоже на *tök örö* «место» (~ эвенк. *токор-* «виться (о дыме); кружить; обходить вокруг», горно-алт. *тегерек/төгэрөк* «круг», эрзя *тарка* «место» (метате-за³). Видимо, тут такой же ход мысли, как в русск. *круг* — *округа*. Эта идея связана и с круговоротом времени. РК *tuki* «луна»: *tuki/tuku-ru*

«истощаться; исчерпываться; истекать (о сроке); кончатся» (ср. др.-тюрк. *tol-* «становиться полной» (о луне) ~ удм. *толэзь*, корейск. *талъ* «луна»), т. е. этимологически *tuki* «луна» есть отглагольное существительное. *Tuki* ~ эским. *танк'ик'* «луна», эвенк. *ты*: «наступать» (о полнолунии), халха *дугуй*, бурят. *тухэрэн* «круг». Близким к *töki* РК является *tökö* «всегда» (др.-тюрк. *tüdin* «время»: *tü*: «всегда»). Таким образом, в основе наименования луны в японском языке лежит, с одной стороны, ее круглая форма, а с другой,— способность изменяться по фазам. Есть РК и со значением «блеск»: *tuja* «глинец; блеск; лоск» (~ бурят. *туяа(н)* «луч; сияние»), *tuju* «роса» (в поэзии VIII в. о росе часто говорится как о светлом быстро исчезающем предмете,— связь с *tuki/tuku* «истощаться» ~ турецк. *tüken-* «кончатся; иссякать; исчерпываться»). От корня *tuk-* путем суффиксации образуется глагол *tuk-ar-u* «использовать; расходовать; посылать» (с поручением) и др.

Тем самым можно сформулировать положение о том, что в основе наименования одним из РК лежит не один какой-то признак, свойственный называемому предмету, а ряд признаков, общих для нескольких предметов или явлений, называемых родственными корнями. Лишь при назывании самого признака как такового остальные отступают на второй план: *tune* «всегда» сохраняет только значение протяженности во времени.

Действительно ли все «исконные» слова данного звукового типа *tVkV* не выпадают из очерченного круга значений? Нет ли в них какой-то не совместимой с ними семантики? Проанализируем другие слова этого типа для проверки этого: *tuka* «курган; бугор» (~ тагал. *tugatog* «вершина», коми *чук* «вершина горы; маленькая возвышенность»; саами *čokka* «вершина», чуваш. *ту* «холм»), япон. *tuki* «чашечка для сакэ» (~ халх. *дугараа* «круговая чаша») и др. также могут быть отнесены к корням с семантическим компонентом «круглый».

Легко заметить, что РК образуются (в отличие от производных слов) нерегулярными способами. Это происходит потому, что различия между самими предметами и процессами, которые ими называются, является большей частью уникальными. Однако там, где различия совершенно аналогичны, применяются и одинаковые средства дифференциации внутри разных групп РК:

др.-япон. <i>pitö</i> «один»	<i>mi</i> «три»	<i>jö</i> «четыре»
» <i>puta</i> «два»	<i>mi</i> «шесть»	<i>ja</i> «восемь»

При удвоении числа $i > u$, $ö > a$. Всего здесь шесть корней, которые попарно являются родственными. Но первая пара имеет еще РК: *patu* «первый; начальный», *pata[ti]* «20» (лет). При этом более ранними гласными оказываются *i* и $ö$, что согласуется с положением о переломе гласного *i*. Сюда же и *puta* «крышка» (составляющая пару с тем, что накрывается).

Из приведенного материала неправильно было бы сделать вывод о том, что значения корней остаются неизменными в течение тысячелетий. На самом деле изменения происходят. Для демонстрации их характера возьмем в себе корни, означающие острое, и их соответствия в других языках. Понятие об острых предметах (костях рыб, шипах растений далее иглах, стрелах и т. п.) относится к древнейшим. Возникали ли обозначающие его корни самостоятельно в каждой языковой семье? (см. стр. 115).

Из сопоставления этих лексем видно, что значения «быть прямым (острым)» и «быть кривым (загнутым)» в ряде языков свойственны фонетически близким корням. Но нередко получается так, что семантически более близкое слово оказывается фонетически более далеким. Назовем такое явление обменом семантическими компонен-

япон. др.-тюрк. индонез.	<i>iga</i> <i>igä-</i> <i>iga</i>	«шип; колючка» «точить» «ребро»	<i>ibara</i> япон. <i>ibar-u</i>	«колючка» «кичиться» («грудь колесом»)	<i>abara</i> эвенк. <i>эптылэ̄</i>	«ребро» »
др.-тюрк. коми япон.	<i>igid</i> <i>иган</i> <i>igam-u</i>	«ложь» («кривда?») «засов» «быть искривленным (изогнутым)» «быть согнутым»	 индонез. <i>imbal</i> маньчж. <i>убакчи</i>	«искривленный» «колючка»	турецк. <i>kaburga</i> корейск. <i>кальби</i> бурят. <i>хабирга</i> коми <i>кабыр</i> эвенк. <i>габар</i> тагал. <i>kabilā</i>	» » «кулак» «колючка» «противоположная сторона»
эвенк. эвенк. русск.	[x] <i>икән</i> <i>икэ̄н</i>]- <i>игла</i>	«грудная клетка» «танцевать»	удм. <i>йыбырскы-</i>	«поклониться»	 тагал. <i>mag-kabilā</i>	» «быть двусторонним; быть соседями» (как ребра?)
тюрк.	<i>ik</i>	«веретено; гвоздь» (Радлов, 7 тюрк. яз.)				
тюрк. тюрк. тюрк.	<i>ig</i> <i>äk</i> <i>äg</i>	«согнуть» » » (Радлов) «согнуть»				
слав. лат.	<i>igo</i> <i>iugum</i>	«ИГО»				

тами между родственными корнями. Оно встречается тогда, когда различие выражается не аффиксально, а фонемой (фонемами) корня, за которыми не может быть закреплено какого-либо значения или его оттенка. Поэтому принципиально все равно, какой из РК какое именно из близких значений выражает.

Утверждая, что слав. *игла* (прямой острый предмет) является словом, имеющим родственный корень с *iga*, я основываюсь не только на указанных выше семантических параллелях, но и на материальном совпадении этих корней. Если бы древнеяпонский язык заимствовал слово *игла* из праславянского, упрощая несвойственное ему стечение согласных, в древнеяпонском получилось бы или *iga* или *ira*. Поразительно, что *ira* «колючка» тоже имеется. *Ira* ~ индонез. *ira* «долька (плода); волокно» (древесины, мяса), халх. *ир* «острие», эвенк. *ирга* «овод; слепень» (жалящий острый жалом?). Ср. еще япон. *ira-datu* «раздражаться; нервничать» ~ якут. *ир* «зацепляться; беситься».

Корню *ira* «колючка» родственны корни, обозначающие действие с острым предметом: *i-r-u* «стрелять» (стрелой) ~ эвенк. *ил*, удэ *илу* «тетива» (ср. *ir-u* «входить»), а также округлый предмет: *irö-ko/urö-ko* «чешуя» (*ko* «ребенок; мелкий предмет») — или остроконечный: *ure/ura* «верхушка (дерева)» (~ эвенк. *урэ* «гора»).

Если учесть и неполный перелом гласного *i* ($*i > u$), то корню *iga* окажутся родственны *ugat-u* «пробивать; прорывать; просверливать» (~ эвенк. *убга* «нора; проход; лазейка в снегу», эским. *укита-* «пробивать; прорубать»). Сюда же и др.-япон. *ugö-gutu* «старая (с дырками) обувь».

При полном переломе ($*i > a$) получаем *ago* «подбородок» (как гнутый предмет, ~ корейск. *агару* «дыра; пасть; рот», удм. *ангес* «подбородок», тюрк. *иг* «челюсть» (Радлов), *iak/äk* «подбородок» и т. д.).

Подобный перенос значений по смежности называемых предметов, в частности, частей лица, в языкознании известен.

Думаю, можно для *авара* «ребро» найти РК в *абура* «жир»: *абур-и* «жарить» (~ индонез. *аби* «зола», *абон* «жареное мясо», *емур* «масло с резким запахом», эвенк. *имрэн* «топленный жир», фин. *ihra* «жир»). Но в тех языках, где название ребра начинается с *к-*, название жира также удерживает этот согласный: турецк. *кавир-* «жарить», якут. *көбүөр* «сырое масло», корейск. *кирым* «масло». Глагол *абур-и* «жарить» имеет РК *ибур-и* «дымиться», *ibus-и* «окуривать» (~ тагал. *ib-ib* «затяжка при курении», коряк. *ипиш* «дым», эвенк. *ибгунна* «гарь», индонез. *обор* «факел»). Можно предположить, что и слав. *жар* : *жир* являются РК.

Продолжим рассмотрение других корней со значением «острие»/«закругленный»:

др.-япон.	<i>ti</i>	«крючок»	япон.	<i>toge</i>	«колючка»
др.-тюрк.	<i>tig-/tik-</i>	«шить; жалить; втыкать»	япон.	<i>tog-ar-i</i>	«острие»
			индонез.	<i>togan</i>	«бросать в цель»
			эвенк.	<i>тогозо</i>	«гвоздь»
			ногайск.	<i>тогын</i>	«обруч»
др.-тюрк.	<i>tik-än</i>	«колючка»	индонез.	<i>tohok</i>	«гарпун»
			япон.	<i>taga</i>	«обруч»
			халх.	<i>цагариг</i>	»
			корейск.	<i>the</i> (< <i>they</i>)	«край; ободок; обруч»
			тагал.	<i>tagâ</i>	«крючок»
			эвенк.	<i>тага-</i>	«зацепиться; попасть»

Эвенк. *тага-* «за(при)цепиться; попасть», *тагавкән-* «за(при, на)цепить» как бы перекидывает семантический мост между значением «колючка» и «обруч», а тагал. *tagâ* «рыболовный крючок (при *tahî* «шитье») обо-

значает предмет, и острый и загнутый одновременно. Таким образом, связь понятий «острый» и «закругленный» объясняется наличием предметов материальной культуры, обладающих обоими качествами.

РК к япон. *ta^lga^l* «обруч» является *ta^lgo^l* «деревянная бадья» (эвенк. нерч. *ta^lga* «берестяной короб»).

Нир-и «шить; прошивать» ~ корейск. *нуби* «стежка; стегание» (одеяла и т. п.), нивх. *нух* «игла», эвенк. *луна-* «вонзить», удэ *лукра-* «напороться; наколоться», *lifat* «наколовшись так, что острый предмет остался в теле», эским. *нугун* «ушко, прорезь, петля»; «иголка для нанизывания», *нува-ка* «продевает».

При широком сравнении языков дальневосточного ареала надо иметь в виду, что японский при переходе от протояпонского к древнеяпонскому утратил конечнослоговые согласные и упростил все стечения согласных в слове. Упрощения стечений согласных произошли и в других языках. Бывает так, что один язык удерживает из бывшего стечения не тот согласный, что другой. Восстановление праформы может быть достигнуто сравнением с тем языком, который удерживает оба согласных (большей частью это будут тунгусские языки, или же сравнением с корейским алфавитным письмом, в котором продолжают отмечаться и те согласные, которые уже реально не произносятся. Сравнивая др.-япон. *нир-* с удэ *лукра-*, мы опираемся на форму близкородственного удэ эвенкийского языка, в котором *-k-* тоже нет. О том, что часть др.-япон. *n-* восходит к **l-*, я уже писал («Об урало-алтайском слое...», стр. 125), но слишком бегло. Ср. РК *ник-* «пронзать» с его соответствиями: ~ маньчж. *нука-* «колоть; втыкать; вонзять», эвен. *нүкй* «стрела», эвенк. *лүкй* «стрела», манси *ley, li,* коми *лйй-* «стрелять» (ср. и фин. *niola* «стрела», где *-l-*, впрочем, я не берусь объяснить).

Семантических и фонетических препятствий для сравнения со слав. *лѣкъ*, культурным словом, обозначающим согнутый предмет, из которого выпускают стрелы, как будто, нет.

Если предположение о происхождении части др.-япон. *n-* < **l-* правильно, то должны быть еще РК на *ни-*, находящие соответствия в других языках, в том числе и в тех, которые удерживают *l-*, как например, эвенкийский, удэ, с одной стороны, и тагальский, малайский, с другой. Действительно, такие корни есть: др.-япон. *ник-и* «вытаскивать; выдергивать извлекать» (действие обратное «пронзать»). Правы те лексикографы, которые считают «пронзать» и «выдергивать» двумя значениями одного слова в японском языке) ~ эвенк. *лугут-* «выдернуть; вытащить», удэ *luktag-* «извлекать; выдергивать обратно»; непереходно: эским. *нук/нуг-ым* «нерпа, высовывающаяся из воды», *нуг'аг'ук* «высовывается».

Другой РК: *пиг-* «снимать» (платье, обувь) ~ эвен. *нук-а-* «снять; раздеться; разуться», эвенк. *лук-* то же, эским, *нуга-к* «каменный скребок», удэ *luktag-* «снимать» (одежду, обувь, т. е. для удэ это другое значение слова «выдергивать»), тагал. *lugas* «оторвавшийся, опавший», *lugon* «выпадение волос» (соответствует японскому производному глаголу *nikēl/ni^{ku}-ru* «выпадать» — о волосах), ст.-монг. *ničü-gün* «нагой». Производный глагол *пиг-ир-и* «вытирать» [~ тув. *нугу-* «мять; массировать; месить», тагал *luglog* «выполасканный» (редупликация)] сейчас воспринимается как РК, так как глаголообразующий формант многократного вида «гласный (подвергавшийся уподоблению корневому) + *-p-*» (*tatak-и* «стучать» — *tatakar-и* «сражаться») давно уже стал непродуктивным, *-p-* в новояпонском языке выпало, произошло переразложение: в современном языке глагол делится на корень *пиги-* + *и* (флексия).

Корни с теми же согласными, но с другими гласными имеют близкие значения: *пök-и* «отходить в сторону» ~ маньчж. *нуктэ-* «кочевать; пересе-

ляться», эвенк. *нулгэй* «кочевка», ст.-монг. **negü-* «кочевать», тагал. *luko* «прыжок», корейск. *поh-* «класть» (япон. *poki* «стреха»). Острый предмет — *pogi* «острая кость» > «ость». Производными от *pök-u* глаголами являются *pök-ör-u* «оставаться», *pök-ös-u* «оставлять» (~ маори *поho* «сидеть; жить; оставаться», эвен. *нэку* «временно оставленное имущество»).

Адъективным РК является *naga-* «длинный» (~ корейск. *нык* < *nilk-/nalk-* «старый», *nil* «всегда», индонез. *landung/landjar* «длинный»).

Вербальным корнем со значением движения обладает глагол *nigë/ /nigu-ru* «бежать» (~ эским. *ныгуг'ак'а* «отходит; отъезжает»; эст. *nihku* «сдвигаться; перемещаться», др.-тюрк. *jügür-* «бежать», ненецк. *нибте-* «освободиться; спастись», индонез. *njit* «убирайся!», эвенк. *нибэ-* «убежать», монг. **negü-* «кочевать»), который в производных формах меняет *i* первого слога на *ö*: *nög-ar-e/nög-ar-u* «мочь убежать; спастись бегством»; *nig-as-u/nög-asu-* «дать убежать» (~ венг. *nögat* «подгонять; торопить»).

Зная, что и.-е. **tek^{u-}* имеет два значения: «течь» и «бежать» (ср. русск. *теку* и укр. *тікаю* «убегаю»), мы в праве искать РК для япон. *nigu-ru* со значением «течь». Это будет *nagare/nagaru-ru* «течь», *nag-as-u* «пускать по течению» [~ с.-х. **nhr* «течь, река», и.-е. **nā-* (< **neH₂*) «течь; влага»]. Большинство тюркских языков утратило древнее **n-*, или заменило его на *j-* (татар. *азу* «течь; течение», горно-алт. *агын* «течение»), сохраняя общие с японским суффиксы переходности и непереходности глаголов; татар. *аг-ар* «проточный; текущий», но горно-алт. *аг-ыс-*, кирг. *аг-ыз* «пускать (воду); сплавлять; пускать по воде»; (тагал. *agos* «течение», возможно, имеет *-g-*, чередующееся в малайских языках с *h* или *R*: индонез. *агис* «поток; течение»).

Стало быть, японский и ряд других языков дифференцирует несколько движение по наклонной плоскости, связанное с водой и не связанное: япон. *надаре* «лалина» (~ эвенк. *надай-* «попасть; удариться; наскочить», халха *нур* «обвал») и *nage/nagi-ru* «бросать» (~ эвенк. *навкән-* «попасть в цель»), *nagur-u* «ударять» (~ фин. *паката* «бросать; ударять»). С другой стороны, от *nagare* «течение» происходит суффикс одновременного деепричастия *-nagara* (~эвен. *-нйкән/-нйкән* суффикс одновременного деепричастия) — ср. русск. *течение* и *в течение*.

С понятием движения (полужидкого) вещества вниз связано и значение др.-япон. *nige-kami* «жевать жвачку» [~ эским. *ныг'ак'ук'* «ест», тюрк. *ныһа* «набивать во что» (Радлов), корейск. *ныгыс-* «сыт», нивх. *ныүс* «зуб». А с «жевать» связано «сжимать»: япон. *nigir-i* «схватить; сжимать рукой», *nigir-i* «горсть» [~ халх., эвенк. *нидурга* «кулак», корейск. *ыгыри-* «жать; сжимать (рукой)», казах. *жудырык* «кулак», татар. *йөдөрөк* «кулак», но *ныгыту* «укреплять», нен. *нылы* «сила», айну *пикаг* «лестница» (из бревна с зарубками), кхмер *нык* «плотный; тесный; прилегающий один к другому»]. Производными в этимологическом плане глаголами от *nig-* можно считать *nig-ör-u* «замутиться», *nig-ös-u* «мутить» (~ *Мо jiyura-* «мешать; месить; разводить (краску)», Ozawa, 270).

РК к *nag-ar-* «течь» можно считать *пак-и* «плакать; петь» (о птицах), общее название звуков, издаваемых животными (~ корейск. *ныкки-* «рыдать», индонез. *ngihngih* «рыдать; плакать навзрыд», *nguk* «приглушенное рыдание; всхлипывание», удм. *ныксы-* «скулить; визжать; хныкать; ныть», тюрк. *йәс* «плач»; ср. чуваш. *макәр* «рыдать»). Прямым соответствием является и слав. *плак-* (сочетание согласных упрощается, начальному *l-* ~ япон. *n-*). Но *namida* «слезы» не происходит из *пак-* + *midu* «вода» или из *та-* «глаз» + *midu* «вода» (тогда было бы *tamidu*). К тому же в древнеяпонском это слово звучало *namita* (~ эвенк. *инаму-* «плакать», *инаму-кта*, солон. *нама-кта*, нанай *нямокта* «слеза»). Суффикс тунгусских языков *-кта* обозначает «результат действия» и «что-либо мелкое,

встречающееся в больших скоплениях»¹⁶. Поскольку начальное *u-* отпадает и в нескольких тунгусских языках, можно считать, что в протояпонский язык оно могло и не попасть.

Есть и япон. *n-* < **d-*. Поскольку в древнеяпонском языке протояпонские начальные звонкие уступили свое место другим звукам, **d-* > или в *t-*, или в *n-*: *nigi-* «теплый (недостаточно горячий); слабый» (об огне) ~ корейск. *нуро-пунта* «пригорать», *нурэнъ* «светло-желтый», халх. *нурма* «горячий пепел; зола», но эвен. *дул-* «теплеть», монг. *dulaga-* > халх. *дулаан* «теплый» (о климате, одежде, но не о жидкостях)¹⁷. Р. А. Миллер связывает эти слова на *д-* с япон. *ju* «теплая вода»¹⁸, но *ju* ~ др.-тюрк. *ju-* «мыть», *jul* «ручей», коми ю «река», а тунгусские и монгольские слова не могут относиться к жидкостям и означают «тепленький», а не «горячий». Нельзя согласиться и с его сопоставлением япон. *jama* «гора» ~ эвенк. *dawakīt* «горный перевал», монг. *daba-* «переходить; перелезть», так как эти слова и фонетически и по значению ближе к др.-япон. *tamukē* (> *tau-ge* > *tōge*) «перевал», если учесть еще халха *дамжи-х* «переходить; перебираться». Японское же *jama* «гора» ~ эвенк. *янэ* «сопка; безлесная гора», турецк. *yamaş* «склон горы», коряк. *яңьяңай* «гора» (редупликация). Как ни соблазнительно найти соответствия японским числительным, но если япон. *jō* «4» ~ общетунгус. *dögin*, эвенк. *дыгин*, монг. *dörben*, тюрк. *tört* «4», придется признать слишком большое сокращение этого числительного на японской почве. Еще сомнительнее сопоставление *irō* «цвет; цвет лица» с монг. *düri* «внешний вид; облик», тюрк. *jüz* «лицо». Во-первых, тут предполагается незафиксированная памятниками праформа **jirō*. Ее можно было восстановить при наличии перелома *i* типа *jurō*. Но такие факты отсутствуют. Поскольку не всякое *i-* восходит к **ji-*, мы скорее можем сопоставить *irō* с индонез. *iram* «поблекнуть; выцвети; полинять», коми *рём* «цвет; окраска», бурят. *ира-гар* «пестрящий; мелькающий». Кроме того, *irō* имеет и второе значение «любовь» ~ тагал. *irög* «возлюбленный; милый». Приходится отвергнуть и мнение Одзава, который сопоставляет **jirō* с монг. *jisün* (> халх. *зус[эн]* «масть; вид; цвет лица»), при условии, что *jisün* < **jirsün*. Однако предположение о наличии в дописьменном монгольском *-r-* в этом слове ничем не подкрепляется. Таким образом, соответствие япон. *j-* ~ алт. **d-* остается пока под вопросом.

Но соответствие япон. *n-* ~ алт. *d-* подтверждается: так, япон. *narab-i* «ряд», *narab-u* «стоять в ряд» (~ корейск. *нарани* «ровно; в струнку; как по линейке», индонез. *laras* «ряд», яван. *lark* «прямой как стрела») сравнивают с монг. *дарауа* «после; затем», халха *дараа-ч* «следующий» (Одзава, 265). Правильность этого сопоставления можно подтвердить эвенкийским *даран* «рядом; около, ряд» (монгольский корень обозначает ряд во времени, японский, корейский и эвенкийский — в пространстве).

Naras-u «выравнивать; сглаживать» ~ индонез. *darat* «суша; берег» (сопоставление С. Мураяма), эвенк. *наптама* «плоский; ровный» (о земле), монг. *дару-* «давить, жать; подавлять» (Одзава, 266).

Поскольку «исконные» японские имена почти лишены словообразовательных аффиксов, для дифференциации РК были использованы другие средства, в том числе и место ударения: *kaḡ mi* «верх; верховья», *kaḡ mī / kati-* «бог» (в современном японском омонимы): *kaḡ mi* «волосы» [~ кирг., осм. *каба* «мохнатый» (Радлов), фин. *kalki* «волос», индонез. *gombak* «хохолок; челка» (лошади), др.-греч. *кóте* «волосы» (> русск. *комета*)].

¹⁶ «Эвенкийско-русский словарь», сост. Г. М. Василевич, М., 1958, стр. 764.

¹⁷ «Монгольско-русский словарь», под ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957.

¹⁸ R. A. M i l l e r, The Japanese language, Chicago, 1967, стр. 70.

Kami «верх; верховье» (~ нивх. *xemi* «верховье») сопоставимо с финскими названиями «больших водных систем, которые не могут быть объяснены на основе лексики финских, саамских или индоевропейских языков... Так, названия таких географически близких рек, как *Kemi(joki)* и *Simo(joki)*, встречаются довольно часто [и] на севере СССР. Возможно, эти гидронимы сопоставимы с древним тюркским названием Енисея — *Ket* и названием его крупного западного притока *Sym*, напоминающим *Simo*»¹⁹.

Это сопоставление, безусловно, правильно. Но следует сделать уточнение: *Käm* — название не всего Енисея, а, видимо, только его верховьев, где и жили древние тюрки. Удм. *Кама* — название реки до впадения в Волгу, т. е. тоже верховьев. Современная река Кемь является верхним притоком Енисея, а Сым — нижним (~ япон. *simo* «низ; низовье», тагал. *silong* «подвал»). Правда, в Финляндии и на севере СССР есть и реки Кемь, впадающие в море. Следовало бы проверить, не распространилось ли название верховьев на всю реку в результате забвения прежней внутренней формы таких названий. Каково географическое соотношение рек *Kemi* и *Simo* (можно ли считать *Simo* более «нижними» реками или притоками?) в Финляндии? Как бы то ни было, М. Ряснен правильно искал отгадку на Востоке. *Simo* «низ» — омоним *simo* «иней». РК — *sima* «остров» (расположенное внизу, у воды), *siro-* «белый», *simi* «просачиваться» и т. д.

Сокращая большой фактический материал, для которого в этой статье не нашлось места²⁰, отвечу еще на два вопроса: 1) не замечал ли кто-либо из японских ученых наличия связи между разными корнями и какие объяснения этому явлению были даны; 2) какие возражения могут быть сделаны (и уже делаются) по поводу далеко идущих выводов из представленных соображений?

Еще в XVIII в. — эпохе расцвета японской филологии — возникла этимологическая школа под девизом *itjion-itjigi* «один слог — одно значение», утверждавшая, что все исконно японские слова с близким звучанием близки и по значению. Труды сторонников этой школы продолжали выходить и в XX в., но проникновение европейской науки в Японию заставило большинство лингвистов (если не всех) отвернуться от подобных идей. Одной из причин была кардинальная ошибка этой школы, — поиск значения в каждом открытом слоге (под влиянием слогового письма), между тем как большинство японских корней двусложно или трехсложно (а из односложных корней большинство кончается на согласный, как в глаголах 1-го спряжения).

Лишь Андō Масацугу (1878—1952) ближе всех подошел к пониманию связи между РК. Видный лингвист и филолог (отстаивавший, в частности, происхождение современного *h-/F- < p-* путем сравнения с корейскими и рюкюскими словами, удерживающими *p-*), Андō, отделив от корней суффиксы и редуцированные слоги (например, в *to-domaru* «останавливаться», *tu-duki* «продолжаться»), сопоставил оставшиеся «ядра» одно с другим и пришел к выводу, что «в японском языке есть очень много слов, дифференцированных различием в гласных»²¹: *mata* «опять», *muta* «вместе», *mitu* «наполняться», *mutu-bi* «дружить»; *kami* «кусать; грызть», *komi* «проса-

¹⁹ М. Ряснен, Об урало-алтайском языковом родстве, ВЯ, 1968, 1, стр. 49.

²⁰ См. также: Н. А. Сыромятников, О лексике, общей у японского языка с индонезийским и тагальским языками, «Вопросы японской филологии», М., 1970; е го же, Теории изосемантических рядов и родственных корней как необходимые методы для этимологии японского языка, «Studies in general and Oriental linguistics», Токуо, 1970; е го же, Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках, «Проблема общности алтайских языков», Л., 1971.

²¹ A n d ō M a s a t s u g u, Kodai-kokugo-no kenkyū, Тōкyō, 1924, стр. 225.

чиваться», *kuti* «черпать, сплести», *koto-ru* «сидеть взаперти»: *kuti* «давать» (в *namida-gumi* «прослезиться»), *koto-goto* «попеременно» (там же, 226). «Это не значит, — продолжал Андō, — что я выбрал в этих примерах что-то особенно выдающееся по общности. Какие бы слова ни взять, если немного поразмыслить, нетрудно будет открыть подобного рода общности». Тем самым Андō провозгласил всепроникающую роль родственных корней в японском языке. Однако к сожалению, современники не оценили этого открытия. В статье «Корень слова» в «Словаре японского языковедения»²² Сакакура Ацуёси пишет: «Можно предположить, как говорит Андō Масацугу, корень * $\sqrt{t-m}$ в словах *tomu* „останавливать“, *tami* „копоть“, *tumi* „наваливать“, но доказать это вряд ли возможно»²³. Но Андō вовсе не утверждал, что японский язык имеет только согласные корни. Как пишет В. М. Солнцев, фонемы (в том числе и гласные) не только дифференцируют значение, но и участвуют в его выражении²⁴. Хотя Андō писал свои примеры латиницей, он не ставил гласные в скобки так, как редуцированные слоги. Видимо, Сакакура под сближением сходных слов понимал нахождение в них общего корня: «Только о японских числительных можно сказать, что то, что относится к удвоению числа, базируется на том же корне, как в *pi* „1“ и *pu* („2“), *mi* („3“) и *mu* („6“), *jo* („4“) и *ja* („8“)»²⁵. Как показано выше, здесь три пары РК.

Доказать же правоту Андō, сближавшего (но не отождествлявшего!) РК, можно путем сопоставления с теми же корнями в других языках: *kat-и* «кусать; грызть; жевать» ~ маньчж. *камни-* «смыкать (глаза); сжимать» (зубы для разжевывания откусанного), татар. *кабу* «есть-пить; кусать»; тохар. *А kat* «зуб», индонез. *katat-kamit* «шамкать; шевелить губами», якут. *көмүлдь* «грызть зубами кость; обглаживать», корейск. *ккэмүль-* «грызть»; *ки^Гт-и* «сплести» ~ корейск. *ккуми-* «украшать; шить», чуваш. *кум* «снова нитки», удм. *ку-* «ткать; плести», халх. *хуми-х* «складывать; с(за)верстывать», индонез. *kumpar* «мотать; наматывать» (на катушку), тагал. *kitot* «одеяло» (япон. РК, например, *ки^Гто* «паук»); РК можно считать *ки^Гти* «черпать»²⁶ ~ халх. *хумх* «кувшин», татар. *чуму* «окунуться», *чумыру* «черпать», индонез. *kumbah* «мыть», *kitir* «полоскание» (для рта), корейск. *кам-тта* «мыть». Эти и подобные им сопоставления показывают, что различия между РК восходят даже не к протояпонскому, а минимум к праалтайскому языку. Но это не делает их более далекими один от другого, так как они составляют определенную систему, охватывающую если не все, то по крайней мере подавляющее большинство корней.

В последние годы РК найдены и в других языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Так, в кхмерском языке «одним из характернейших и широко распространенных способов словообразования является фонетическое щепление, т. е. словопроизводство путем не обусловленного строгими правилами варьирования различных составляющих слова на фоне какого-либо одного общего элемента»²⁷. Так, с участием согласных

²² Подробнее об этой энциклопедии см.: Н. И. Ф е л ь д м а н, Японский «Словарь отечественного языковедения», ВЯ, 1956, 4.

²³ «Kokugogaku-jiten», Тōkyō, 1955, стр. 440.

²⁴ См. В. М. С о л н ц е в, Язык как системно-структурное образование, М., 1971, стр. 115.

²⁵ «Kokugogaku-jiten», стр. 440.

²⁶ Регулярность семантического развития «оплетенное окруженное» > «глиняный сосуд», установленная О. Н. Трубачевым (в книге «Ремесленная терминология в славянских языках», М., 1966), прослеживается и в японских РК — *ки^Гти* «плести»: *ка^Гте^Г* «кувшин»: *ки^Гти* «черпать».

²⁷ Ю. А. Г о р г о н и е в, Грамматика кхмерского языка, М., 1966, стр. 69.

k и *ŋ* образуется, по Ю. А. Горгониеву, 24 слова, каждое из которых выражает в том или ином аспекте понятие «кривой»²⁸: *кв:нг* «круг; кольцо», *кнгрк* «изогнутый», *кнгок* «крючкообразный», *кнголь* «нагнувшийся» и т. п. К тому же к «звуковому типу»²⁹ относятся японские слова *kog-u* «грести», *kogot-u* «наклоняться; сутулиться», *kaŋat-u* «гнуть», *kagi* «крюк» (~ якут. *köjō* «деревянный крюк»), *kugi* «гвоздь», *kigur-u* «проходить нагнувшись; пролезать под» (корейск. *кубури-* «сгибаться», чуваш. *кукър-какър* «искривленный», удм. *копырес* «согнутый») и др.

В нивхском языке близость разных корней со сходными значениями и фонетическим составом обнаружена В. З. Панфиловым: *толф* «лето»: *т'улф* «зима»: *тилф* «осень»; *лах* «туча»: *лых* «погода; дождь»; *н'ах* «глаза»: *н'их* «слезы»; *ир* «мать»: *эр* «отец»: *ар* «самец»; *алф* «боковая часть носа лодки»: *арф* «борт лодки» и т. п. Значит, «внутренняя флексия исторически использовалась в нивхском языке как самостоятельный способ словообразования существительных»³⁰. Думаю, однако, что тут тоже РК, а не «внутренняя флексия».

В языке чжуан (одном из тайской семьи) А. А. Москалев обнаружил «родственные морфемы», которые могут отличаться одна от другой: 1) тоном (тонов в этом языке шесть), 2) конечным элементом слога (обычно при тономном различии), 3) ядром слога: *кеŋ*¹ «твердый» (вообще): *кен*⁵ «твердый» (о земле, дереве); *квен*⁶ «плеть» (ползучего растения): *квей*⁴ «моток (бамбукового лыка); петля; окружность»: *квей*⁴ «накручивать» (уши): *кwa*⁴ «обходить; огибать», *кwaŋ*⁶ «окружность»: *кwaŋ*² «обходить; огибать»: *кwiŋ*² «маленькое железное кольцо»: *кvik*³ «кружок; моток»; *кiт*² «ямка»: *кет*⁶ «впадина»³¹.

Результаты исследования: 1. В целом ряде языков нескольких учеными обнаружены цепочки корней, близких по звучанию и значению. Тем самым открыт один из основных методов словообразования — деформация корня по уникальной модели для получения наименования нового предмета или явления.

2. В древнеяпонском языке, по крайней мере, обнаружена система, состоящая из групп родственных корней, каждый из которых обладает частью семантических компонентов других РК той же группы. Так, *sima* «остров»: *simo* «низ»: *siro-* «белый»: *sim-ar-u* «быть сжатым»: *simer-i* «сырость» и др. принадлежат к одному звуковому типу; *sima* «остров» это предмет, находящийся внизу, у воды, сжатый (водой) со всех сторон. Но *sima* «остров» уже не имеет семантического компонента «белый», которым обладает *simo* «иной» (сырой предмет, выпадающий вниз), РК к которому будет *sami-* «холодный» и т. д.

Kimo «туча» (темный предмет, находящийся сверху): *kuro-* «черный»: *kami* «верх»: *kami* «волосы» (у японцев черные, растущие на голове, т. е. наверху): *kita* «медведь» (обросший черными волосами) и т. д.

3. Большому количеству РК древнеяпонского языка найдены соответствия в алтайских (включая корейский), малайских, угро-финских и меньшему количеству — в индо-европейских языках, эскимосском, нивхском и кхмерском. При этом соответствия имеет, как правило, каждый из РК данной цепочки: *sima* «остров» ~ корейск. *sam* (< ср.-корейск. *syŋt*, SM 117) «остров», айну *suta* «камень» (диалектн. *shuma*), эским. *сяма* «там (внизу, у моря)», туркм. *сомал-* «высовываться» (в том числе и из воды), халха *шумба-х* «вырять» и т. д. Но по значению параллель в другом языке

²⁸ Там же.

²⁹ Термин В. И. Абаева. См. его «Историко-этимологический словарь осетинского языка», I, М.—Л., 1958.

³⁰ В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, I, М., 1962, стр. 73.

³¹ А. А. Москалев, Грамматика языка чжуан, М., 1971, стр. 82—83

может отвечать лишь некоторым признакам предмета, называемого японским словом.

4. Поскольку фонема, которая отличает данный корень от РК, не является морфемой, т. е. не обладает каким-либо значением самостоятельно, — два РК одного и того же языка могут обменяться семантическим компонентом, или семантический компонент может перейти от одного РК к другому без компенсации. Если с парой соответствующих РК в родственном языке подобных изменений не произошло, данный корень в первом языке фонетически будет больше похож на один корень родственного языка, а семантически — на другой: япон. *na* «овощи»: *nama*- «сырой», корейск. *nal*- «сырой»: *namul* «овощи» (сырые, зеленые, растительные предметы).

Видимо, можно предполагать, что в дописьменный период (в глубокой древности) корни двух языков, более близкие фонетически, были ближе и семантически.

Какие возражения могут быть сделаны против предложенных положений? Могут сказать, что сходства между словами японского языка и других могут быть случайными, что близость между РК самого японского языка не так уже велика и тоже может быть случайной. Но именно проверка по ряду языков является лучшим доказательством того, что такая близость не является случайной ни в рамках самого японского языка, ни вне его ³².

Нахождение общих слов в языках, явно не родственных, может объясняться не только древним заимствованием, но и наличием некоторого числа дескриптивных корней, обозначающих сходные (большей частью по форме) предметы сходным образом в самых различных языках, что подметил и В. И. Абаев. Значит, условность, немотивированность первоначальных наименований сильно преувеличивается.

³² См.: А. Б. Долгопольский, Гипотеза древнейшего родства языковых семей северной Евразии с вероятностной точки зрения, ВЯ, 1964, 2, стр. 53.